Комнатная Юлия Александровна

ТЕОРИЯ П. С. МАНЧИНИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ДОКТРИНЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Статья раскрывает значение и влияние теории Паскуале Станислао Манчини на отечественную доктрину международного частного права. Рассматриваются точки зрения ведущих правоведов дореволюционного периода, в частности, В. М. Гессена, Б. Э. Нольде, А. Н. Мандельштама, М. И. Бруна, Ю. С. Гамбарова, Л. А. Камаровского, В. П. Даневского, Г. Ф. Шершеневича и других авторов о роли национальной теории в доктрине международного частного права. Внимание автора акцентировано на анализе сущности национальной теории и возможности идеи национальности стать основным началом международного частного права.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/9-2/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 82-86. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

37. Was ist deutsch? Die Unvermeidlichkeit, eine Nation zu sein / hrsg. von G.-K. Kaltenbrunner. Freiburg etc., Herderbücherei, 1980 (Herderbücherei Initiative 39). 192 S.
38. Was ist reaktionär? Zur Dialektik vom Fortschritt und Rückschritt / hrsg. von G.-K. Kaltenbrunner. München, 1976. (Herderbücherei Initiative 14). 190 S.
39. Wehe den Machtlosen: Eine dringende Klärung / hrsg. von G.-K. Kaltenbrunner. Freiburg etc., Herder, 1984. (Herderbücherei Initiative: 56). 190 S.

RECEPTION OF CONSERVATIVE REVOLUTION IN "ENLIGHTENED CONSERVATISM" OF G.-K. KALTENBRUNNER

Kim Flora Sergeevna
Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI) (Branch) in Bronnitsy
FSKbmadi@gmail.com

The article presents the analysis of G.-K. Kaltenbrunner's views on the problems related to the liability of the intellectuals for social-political consequences, determined by the influence of their ideas on society, the relationship between the theoretical reflection, intellectual radicalism and aesthetic self-expression and practical destruction by the example of the understanding of disastrous experience of "conservative revolution".

Key words and phrases: enlightened conservatism; conservative revolution; syndrome of Moeller van den Bruck; Catholic resistance to fascism; conservative spiritual tradition.

УДК 341.9(091)(4/9)"17/18"
Юридические науки

Статья раскрывает значение и влияние теории Паскуале Станислао Манчини на отечественную доктрину международного частного права. Рассматриваются точки зрения ведущих правоведов дореволюционного периода, в частности, В. М. Гессена, Б. Э. Нольде, А. Н. Мандельштама, М. И. Бруна, Ю. С. Гамбарова, Л. А. Камаровского, В. П. Даневского, Г. Ф. Шершеневича и других авторов о роли национальной теории в доктрине международного частного права. Внимание автора акцентировано на анализе сущности национальной теории и возможности идеи национальности стать основным началом международного частного права.

Ключевые слова и фразы: идея национальности; итальянская доктрина; теория Манчини; учение о коллизиях; история права; доктрина международного частного права.

Комнатная Юлия Александровна, к.ю.н.
Юридический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета
komnatnaya2009@yandex.ru

ТЕОРИЯ П. С. МАНЧИНИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ДОКТРИНЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА©

Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственное соглашение № 14.A18.21.0725.

В связи с бурным развитием международной торговли международное частное право является одним из ведущих правовых направлений, а вопросы унификации частного права по-прежнему стоят на первом месте. Учитывая общую тенденцию, основные действия ученых и практиков направлены на решение главного вопроса: стоит ли развивать коллизионное право или ответ будет за единым материальным правом. Однако рассматривая исключительно практические моменты, как оказалось, проблему международного частного права не разрешить. Достаточно длительное развитие доктрины международного частного права способствовало формированию большого числа различных теорий решения вопросов территориального и экстерриториального действия законов. При этом еще В. М. Гессен отмечал, что «...ни в каком случае мы не можем согласиться с тем, что частное международное право является "правом доктрины", а не положительным правом... учение "националистов", построенное на принципиальном противопоставлении "права доктрины", как не-права "положительному праву", нам кажется несостоятельным по существу... так называемое "право науки" – знаменитый *Usus modernus*, созданный трудами юристов, теоретиков и практиков XVII в. *Carpzov'a, Bruneman'a, Moevius'a, Struve* и др., до самого последнего времени являлось положительным, действующим правом» [3, с. 76-77]. Таким образом, доктрина и положительное право в области международного частного права неразрывны. История предложила массу

© Комнатная Ю. А., 2013

вариантов развития международных частноправовых отношений, принятых либо отвергнутых наукой на определенных этапах развития научной мысли, однако периодическое игнорирование изучения каждой коллизионной теории приводило к возникновению «новейших» концепций-аналогов, что не только не содействовало решению основной проблемы, но, по большому счету, препятствовало как развитию международного частного права, так и международных отношений в целом.

Для отечественной науки не менее существенной проблемой в данной области стало укоренившееся утверждение о сплошном заимствовании российской доктриной международного частного права западной научной мысли. Сложилось стойкое понимание того, что отечественная наука не предложила собственного видения разрешения коллизионного вопроса, используя лишь достижения иностранных ученых. Между тем, и дореволюционная, и советская наука достаточно критично относились к зарубежным концепциям, не спеша принимать их за основу и вносить изменения в действующее законодательство. Однако ряд зарубежных теорий, которые существенно изменили концепцию понимания природы и значения международного частного права, постоянно находился в поле зрения отечественных ученых.

Одной из таких популярных концепций в истории международного частного права в различные периоды времени стала национальная теория. Наибольшего расцвета данная теория достигла в XIX веке. Основав романскую школу, она вошла в кодексы многих европейских государств. Известность и развитие данной теории в Италии были связаны с идеей о долгожданном объединении государства. По утверждению А. Н. Мандельштама, «апостолом идеи национальности является великий патриот Манчини» [7, с. 126]. М. И. Брун также писал: «Идею национальности, этот фермент, поднимавший итальянцев в борьбе за освобождение, Манчини перенес в область права и сделал из нее научный принцип...» [1, с. 162]. Однако, рассматривая историю возникновения национальной теории, В. П. Даневский отмечал, что «...начало национальности, установленное Росси и Романьози, получило новое развитие в трудах публицистов Бальбо и Джиоберти и особенно позднейших, весьма близких к нашему времени знаменитых итальянских публицистов – Манчини и графа Теренция Мамиани» [4, с. 22]. Таким образом, автором теории национальности, в прямом смысле слова, Паскуале Станислао Манчини не являлся. Кроме того, данная концепция была актуальна и в средневековье. Как верно подметил М. И. Брун, согласно учению Манчини, «к иностранцу должен применяться его национальный закон (статуарии сказали бы – личный статут), в виде исключения к иностранцу применяются территориальные законы (статуарии сказали бы – реальный статут)... у Манчини... мы имеем, следовательно, перед собой теорию статутов наизнанку» [1, с. 164]. Это же отмечал и отечественный цивилист Ю. С. Гамбаров: «Не неся ответственности за смешение столь различных друг от друга принципов, итальянская доктрина повторяет, однако, доводя даже до крайности, персональный статут теории глоссаторов и, кроме того, становится в противоречие как с общими всем новым народам стремлениями к единству и общности в праве, так и с современными требованиями международного оборота» [2, с. 306]. Однако существовала и противоположная точка зрения. По мнению Б. Э. Нольде, «Романская школа сложилась под влиянием коллизионных норм, внесенных в итальянский кодекс 1865 г. и радикально разрывавших с теорией статутов. Здесь реакция против теории статутов вдохновляется совершенно новым основным началом – началом национальности...» [9, с. 463-464]. Л. А. Камаровский относительно возникновения исследуемой идеи, в свою очередь, отмечал, что «государства суть не только личности, но личность живущих и действующих в них народов... в этом заключается глубокий смысл национальной теории, разработанной в наше время особенно итальянцами... европейские народы начали слагаться в самостоятельные культурные и политические единицы к концу Средних веков, но национальность делается особым принципом практической политики лишь после великих войн Европы за освобождение против Наполеона I...» [5, с. 474]. Таким образом, большинство отечественных юристов находили близость национальной теории к теории статутов, не облекая ее в оригинальную форму, которая активно позиционировалась итальянскими, французскими и бельгийскими учеными середины XIX столетия. Кроме того, отмечалась политическая подоплека данной теории, когда принцип публичного права переносился на почву частноправовых отношений. Л. А. Камаровский прямо указывал на данную особенность национальной теории: «В сущности, вопрос о национальности относится к области политики гораздо более, нежели права, но мы должны остановиться на нем несколько с тех пор, как итальянские публицисты, с легкой руки Манчини, увидели в национальности юридический принцип сосуществования государств в международном союзе» [Там же, с. 474-475].

При этом, несмотря на имеющиеся замечания, практически все ученые отмечали заслугу П. С. Манчини в развитии национальной теории и закреплении ее в законодательстве ряда стран. Так, в качестве достоинства теории Манчини М. И. Брун указывал то, что «под ее влиянием материк Европы перешел от принципа местожительства для определения личного статута к принципу подданства... благодаря ей в итальянском кодексе 1865 г. провозглашено было гражданское равноправие иностранцев с туземцами» [1, с. 172], отождествляя в данном вопросе понятия «национальность» и «гражданство». Ю. С. Гамбаров отразил и другие заслуги национальной теории: «Известно, какую роль сыграла эта теория в войне за независимость Германии 1813 г., в Венгерском восстании 1849 г., в войне за освобождение Италии 1859 г., наконец, в наших Польских восстаниях и войнах с Турцией... мы отметим только, что эта теория дала начало и учению, по которому национальному закону должно быть предоставлено в случаях конфликта законов преимущество перед всеми другими» [2, с. 305], давая характеристику, в основном, политической составляющей теории.

Принимая во внимание противоречивость идеи национальности и в международном публичном праве, и в международном частном праве, причина популярности национальной теории в Европе озадачила многих

отечественных правоведов. В частности, С. А. Муромцев раскрывал господство национальной теории в XIX веке, полагая, «что право каждого народа есть по преимуществу произведение его национальных особенностей и носит на себе их отпечаток... в поисках за этими особенностями ученые останавливались на различиях, которые они замечали в составе населения, приписывали таким различиям племенной характер и искали в праве следов их влияния... всякое разнообразие, которое замечалось в праве, предпочитали объяснять племенным разнообразием самого населения или же действием на него иноплеменных влияний, рядом с туземными» [8, с. 17]. Это разнообразие обосновывало не только развитие римского гражданского права, но и непосредственно коллизионной теории. Однако главной заслугой национальной идеи, по мнению большинства дореволюционных правоведов, был уверенный переход международного частного права из области «доктрины» в сферу «положительного права». Согласно утверждениям М. И. Бруна, «первый из европейских кодексов, в котором содержалась и систематическая кодификация международного частного права, был итальянский кодекс 1865 года... проект коллизионных норм принадлежал перу Манчини» [1, с. 187]. Ю. С. Гамбаров также отмечал, что «из сферы теории настоящая доктрина перешла в практику, которая санкционирована ст. 6, 8, 11 и 12 Итальянского гражданского уложения 1866 г.» [2, с. 305]. Кроме того, ученый в качестве главных достоинств действующего итальянского законодательства указывал, что «оно либерально-справедливо и рационально относительно иностранцев, уравниваемых в пользовании гражданскими правами с уроженцами Италии – без того, чтобы для этого требовалась законодательная или дипломатическая взаимность... санкционирует действительную природу законов, которые, будучи установлены для народа, стоящего в известных условиях развития, должны уже поэтому сопровождать его, по общему правилу, и на чужбине» [Там же, с. 305-306]. Однако, согласно взглядам Ю. С. Гамбарова, ключевым положительным моментом внедрения данной теории является то, что «устраняется старый принцип территориальности закона и на его место ставится более соответствующий современным потребностям принцип национальности, в основании которого лежит новое представление о государстве» [Там же, с. 306]. В свою очередь, отмечая становление нового международного порядка, А. Н. Мандельштам утверждал, что «признание прав нации имеет свое разумное основание в признании прав личности... свобода должна быть ограждена от несправедливых стеснений не только внутри государства, но и вне его... принцип национальности не вносит никакого раздора в международную жизнь...» [7, с. 127]. Учитывая целый комплекс недостатков национальной теории, Л. А. Камаровский, как и Ю. С. Гамбаров, четко выделил ее главное достоинство. По мнению ученого, «национальная теория выясняет нам существо государства как личности...» [5, с. 485]. Кроме того, отмечая сложность международных отношений, Л. А. Камаровский заметил, что «государства постепенно сознают необходимость признать в своем внутреннем законодательстве начала более рациональные и либеральные относительно частного международного права согласно с быстро развивающейся, если можно так выразиться, международностью (интернационализмом) нашего времени... Манчини указывает на то, что многие из авторитетных писателей по частному международному праву поняли всю несостоятельность *comitas*, как его главного принципа, и заменили ее новым началом – международной обязанностью, которая соединяет все государства крепкими узами права...» [6, с. 52-53]. О существенном значении национальной теории писал и В. П. Даневский. Так, ученый, поддерживая мнение о международно-правовой природе международного частного права, утверждал, что учения итальянских публицистов «...знать весьма желательно и необходимо, так как итальянцы оказали нашей науке громадные заслуги... выяснили и развили начала национальности и невмешательства, и на этих двух началах основывают всю систему нашей науки... установление и развитие этих двух начал составляет оригинальную, привлекательную и характерную черту итальянцев; посему труды их и заслуживают внимательного и обстоятельного изучения... » [4, с. 21-22]. Б. Э. Нольде, активно поддерживающий национальную теорию, отмечал, что «...с точки зрения этой школы действие личного закона есть общее правило, а оговорки в пользу действия других законов не более, как исключение... личным законом провозглашается закон национальный, и последнему подчиняется таким образом большинство коллизий... несомненно влияние ее и на международную кодификацию коллизионного права на Гаагских конференциях» [9, с. 463-464]. Другой сторонник национальной теории, В. М. Гессен, указывал следующее: «Огромное значение, приобретенное в сравнительно короткое время и в теории, и в практике частного международного права, так называемой итальянской национальной школой, объясняется, прежде всего, тем, что учение этой школы, *im Grossen und Ganzen*, соответствует международно-правовому разграничению, по личному и территориальному началу, соответственных сфер господства отдельных государств. Основные идеи национальной школы – определяемость индивида в вопросах его личного статуса национальным законом, подчинение индивида в вопросах общественного порядка территориальной норме – являются ничем иным как применением к сфере частноправовых отношений международно-правовых начал личного и территориального господства... Во всей этой области господство национального права является исключительным. Конкуренция личного и территориального господства устраняется тем, что к отношениям рассматриваемого типа территориальное право, вообще, неприменимо...» [3, с. 77-79]. Тем самым, ученый выступал за абсолютный приоритет применения иностранного права при разрешении конфликтов, осложненных международным характером.

Между тем, несмотря на целый перечень положительных моментов, российские правоведы выявили и массу недостатков национальной теории в области международного частного права, не позволявшей однозначно принять идею национальности в качестве руководящего начала последнего. В частности, М. И. Брун находил, что «...неприменение иностранных законов означало нарушение личной свободы, неуважение

к национальности... в таком виде несостоятельность теории бьѐт в глаза... теория основана на предположении, что государство издает свои законы, отвлекаясь от тех территориальных границ, которые поставлены его власти... по этой теории выходит, что иностранные законы проникают в чужую страну вслед за иностранцами сами собой, в силу естественного права суверена всюду и исключительно управлять своими подданными... учение о персональности законов, изданных государством для своих подданных, совершенно непригодно как принцип международного частного права: последовательное его проведение означало бы полную анархию в международных отношениях» [1, с. 168]. Применяя данную теорию к многонациональным государствам, А. Н. Мандельштам также высказывался против ее внедрения, соглашаясь во многом с немецкими критиками данной концепции. Разделяя точку зрения критиков в вопросе отождествления неравнозначных понятий «национальность» и «подданство», А. Н. Мандельштам утверждал, что «идеалом совершенного государства для Манчини является только объединенная нация... находясь под известными политическими влияниями, они стали принимать желаемое за данное и оперировать с термином национальность как синонимом государства... к государствам с разноплеменным населением, как то: Россия, Англия, Швейцария, никак не применимо положение, что законы отражают расовые особенности... принцип национальности теряет, таким образом, тот метафизический, естественный ореол, в котором он предстал глазам Манчини... он может сохранить свое значение в известных случаях, но должен тогда искать опоры в высших интересах международного общения...» [7, с. 129]. Относительно разрешения коллизий в области международного частного права А. Н. Мандельштам также отмечал: «Итальянская школа не разрешила очень любопытного вопроса... как быть, когда частное право одного индивида сталкивается с таким же однородным правом другого?.. с итальянской точки зрения нет никакого основания жертвовать одинаково священными правами того или другого гражданина... в той области, где недостаточность национального принципа особенно очевидна, в обязательственном праве итальянская школа выдвигает второй принцип – свободу воли сторон... если признать частную волю суверенной, то пришлось бы признать действительность самих произвольных стипуляций...» [Там же, с. 150-151]. Анализируя пороки национальной теории как в области международного публичного, так и в сфере международного частного права, ученый пришел к выводу, что «новейшая итальянская теория страдает... тем же основным недостатком, что и все предыдущие – отсутствием объективного международного базиса» [Там же, с. 151]. В свою очередь, Л. А. Камаровский, наиболее подробно рассмотревший национальную теорию в своих работах, также вынужден был согласиться с критиками данного направления в лице Моля, Блюнчли и Фиоре, отметив, что «это направление погрешает тем, что возводит национальность в исключительную основу государства и смешивает ее с другим, из нее отчасти вытекающим, но с нею не тождественным понятием о народе...» [5, с. 476]. Кроме того, ученым в отношении противоречивости использования национального начала в качестве основного принципа международного частного права было указано и то, что «ставя принцип национальности во главе всей системы частного международного права, Манчини однако, само собою разумеется, не придает ему абсолютного значения...» [6, с. 54]. Несмотря на признание национальной теории, Ю. С. Гамбаров также выделил ее слабые места: «...самое важное возражение против теории национальности в нашем учении, – она представляет, как это уже замечено, неудобство слишком общего критерия, который не может быть приложен ко всем возможным случаям конфликта законов... выведенная из предвзятой идеи, господствовавшей в Италии над всеми умами в разгар борьбы за независимость, она разделяет недостатки всех предвзятых идей... действительно, нельзя не признать, что, независимо от означенных выше исключений в пользу договоров и публичного порядка, национальный принцип остается без влияния еще в массе других юридических отношений» [2, с. 306]. Таким образом, ученый подчеркнул полную несостоятельность национальной теории в качестве основополагающего принципа в области международного частного права. В. П. Даневский, раскрыв наибольшее количество положительных моментов, объективно подошел и к недостаткам национальной теории, отметив, что «доказав историко-догматическим путем свое основное положение и возведя его таким образом на степень достоверного, если не безусловно истинного исторического закона, Манчини употребляет еще последний, отрицательный способ доказательства... шаг за шагом следит за представляемыми обыкновенно возражениями, выставляющими начало национальности как понятие партикуляристическое, отрицательное, отталкивающее нации друг от друга и препятствующее совокупному, совместному стремлению их к достижению высших целей человеческой жизни, и доказывает, что начало национальности должно иметь, напротив того, значение охранения и неприкосновенности народов» [4, с. 28-29], что, по сути, в национальной теории так и не нашло своего отражения. Крайне категорично в своей критике выступил Г. Ф. Шершеневич, отвергавший во многих вопросах международного частного права западные теории. Он указал на то, что «если последовательно проводить эту теорию, то можно, сосредоточив внимание на общественном порядке, или стать на точку зрения территориального принципа, или, дав перевес личному моменту, перенестись к средневековому началу племенных прав... ввиду того, что все попытки обосновать обязательность для судьи применения иностранных законов в области гражданско-правовых отношений и найти руководящий принцип при выборе закона не выдерживают критики, мы должны принять то положение, что действие законов ограничивается пределами территории, на которую распространяется сила издавшей их государственной власти» [10, с. 411], тем самым, ученый полностью оправдал применение территориального принципа.

Таким образом, отечественная дореволюционная доктрина, оценив возможные положительные результаты внедрения национальной теории, вопреки сложившейся практике многих европейских государств XIX века, не восприняла идею национальности в качестве руководящего начала международного частного

права. Несмотря на то, что российские ученые отметили основные заслуги данной концепции в вопросах совершенствования законодательства в области определения правового статуса иностранца, кодификации международного частного права, перехода к унификации частного права, ими были выявлены не менее значимые недостатки национальной теории, которые не позволяли рассматривать ее не только в качестве первоосновы международного частного права, в том числе, при определении правового положения лиц в силу большого количества исключений, но даже использовать ее в качестве принципа международного публичного права с позиции нового понимания государства.

При этом нельзя отрицать того факта, что теория Манчини безусловно оказала влияние на развитие отечественной доктрины международного частного права в дореволюционной период. Подробно рассмотрев положительные и отрицательные стороны национальной концепции, российские ученые, вопреки сложившемуся стереотипу о заимствовании всех зарубежных теорий в области международного частного права, отказались от ее внедрения не только в виде поправок в действующее законодательство по примеру Италии, Испании, Франции, Бельгии и других государств, но и в области теоретических рассуждений. Российская доктрина учла возможность введения дополнительного критерия в определении коллизионных привязок при разрешении вопроса правового статуса иностранного подданного, кроме того, данная теория добавила уверенности и аргументов «интернационалистам» в утверждении международно-правовой природы международного частного права, однако, в целом, не нашла живого отклика в среде отечественной науки. Можно отметить, что в качестве отдельного положительного момента воздействия национальной теории на отечественную доктрину международного права ученые указывали на общий переход от идеи международного общения к идее международной обязанности. Однако даже в данном вопросе исследователи международного частного права долгое время настаивали на приоритете теории *comitas*.

Таким образом, в рамках проблемы определения влияния итальянской теории на отечественную доктрину международного частного права дореволюционного периода стоит отметить абсолютную самостоятельность и независимость российских ученых. Несомненно переход от «доктрины» к «положительному праву», сложившийся в Европе под воздействием теории Манчини, был отмечен практически каждым исследователем, однако, несмотря на это, данная теория снискала себе в России крайне малое количество сторонников. Основным защитником положений концепции Манчини можно считать Б. Э. Нольде, что, по нашему мнению, было связано с его желанием создать свод русского коллизионного права, где национальный принцип играл важную роль, кроме того, общим было и осознание обоими учеными невозможности единой кодификации международного частного права на международном уровне.

Список литературы

1. **Брун М. И.** Международное частное право: лекции, читанные в 1908-1909 акад. году // Золотой фонд российской науки международного права. М., 2009. Т. II. С. 103-328.
2. **Гамбаров Ю. С.** Курс гражданского права: часть общая. СПб., 1911. Т. 1. 793 с.
3. **Гессен В. М.** Подданство, его установление и прекращение. СПб., 1909. Т. I. 458 с.
4. **Даневский В. П.** Очерк новейшей литературы по международному праву. СПб., 1876. 273 с.
5. **Камаровский Л. А.** О международном суде. М., 1881. 542 с.
6. **Камаровский Л. А.** Первое трехлетие института международного права, 1873-1876. М., 1877. 105 с.
7. **Мандельштам А. Н.** Гаагские конференции о кодификации международного частного права: в 2-х т. СПб., 1900. Т. 1. Кодификация международного частного права. Т. 2. Кодификация международного брачного права.
8. **Муромцев С. А.** Гражданское право древнего Рима. М., 1883. 697 с.
9. **Нольде Б. Э.** Очерк международного частного права // Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / пер. под ред. В. Э. Грабаря. Юрьев, 1909. С. 463-567.
10. **Шершеневич Г. Ф.** Общая теория права. М., 1911. 698 с.

P. S. MANCINI'S THEORY IN PRE-REVOLUTIONARY DOCTRINE OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Komnatnaya Yuliya Aleksandrovna, Ph. D. in Law
Law Institute of Belgorod State National Research University
komnatnaya2009@yandex.ru

The article reveals the significance and influence of Pasquale Stanislao Mancini's theory on the domestic doctrine of private international law. The points of view of the leading jurists of the pre-revolutionary period, in particular, V. M. Gessen, B. E. Nol'de, A. N. Mandel'shtam, M. I. Brun, Yu. S. Gambarov, L. A. Kamarovskii, V. P. Danevskii, G. F. Shershenevich and other authors about the role of the national theory in the doctrine of private international law are considered. The author pays attention to the analysis of the national theory essence and the possibility of the idea of nationality to become the basic source of private international law.

Key words and phrases: idea of nationality; the Italian doctrine; Mancini's theory; doctrine of collisions; history of law; doctrine of private international law.